

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

LANGUAGE AND CULTURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>

Сердце не ёкает, или Русинглиш в современной России

Ольга Сергеевна Ильченко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
o.ilchenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6090-4579>

Аннотация. В статье поднимаются социолингвистические и когнитивные проблемы взаимодействия русского и английского языков в современной России. Основная цель автора – показать, как контаминация двух различных языковых кодов влияет на мышление, сознание, культуру, духовное состояние индивидуумов и нации в целом. Выделяются объективные и субъективные факторы, способствующие возникновению языка-гибрида, так называемого *русинглиша*. Отмечаются побудительные причины его использования русскоговорящими. Обращается внимание на недостаток в современном российском обществе условий для формирования защитного механизма речевой культуры – чувства языка. Показано, как расшатываются языковые нормы (в том числе грамматические), стираются грани между литературным языком и жаргонами. Иллюстративный материал отражает типичные случаи употребления. Ставятся жизненно необходимые задачи сохранения и защиты русского литературного языка, эмотивного и культурного кода российской нации, возрождения русской ментальности (мышления в формах языка). Подчеркивается необходимость продуманной языковой политики, просветительской работы и ответственности российских общественных деятелей. В исследовании применяются методы когнитивного, контекстуального, сопоставительного, лексико-этимологического, словообразовательного и грамматического анализа.

Ключевые слова: социолингвистика, англицизмы, национальная идентичность, эмотивный код, речевая культура, духовная культура, экология языка

Для цитирования: Ильченко О. С. *Сердце не ёкает, или Русинглиш в современной России* // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 91–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The heart does not sink or Runglish in modern Russia

Olga S. Ilchenko

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, o.ilchenko@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6090-4579>

Abstract. The article raises sociolinguistic and cognitive issues of the interaction between the Russian and English languages in modern Russia. The study aims to show how blending of two different language codes affects thinking, consciousness, culture, the spiritual state of individuals and the entire nation. The article highlights objective and subjective factors contributing to the emergence of a hybrid language or the so-called *Runglish*. I identify the stimuli motivating Russian speakers to use it. The paper draws attention to the lack of conditions in modern Russian society for forming a protective speech culture mechanism, i. e. a native speaker's intuition. The research shows how linguistic norms (including grammar) are being loosened; the distinctions between the literary language and jargons are being erased. The illustrative material reflects typical cases of usage. The paper sets vitally important objectives of preserving and protecting the Russian literary language, the emotive and cultural code of the Russian nation as well as the revival of the Russian mentality (thinking in language forms). I emphasise the need for a circumspect language policy, awareness raising, and responsibility of Russian public figures. The study applies cognitive, contextual, comparative, lexical-etymological, word-formation, and grammatical analysis.

Keywords: sociolinguistics, anglicisms, national identity, emotive code, speech culture, spiritual culture, language ecology

For citation: Ilchenko O. S. The heart does not sink or Runglish in modern Russia. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):91–98. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

Введение. Экспансию английского языка во все сферы общественной жизни (не исключая науку и образование) можно считать агрессивной тенденцией современного глобального мира. В данной статье мы не ставим целью изучить степень распространенности и освоенности англицизмов в различных сферах, способы их адаптации в русском языке: на протяжении последних десятилетий этой теме посвящалось немало научных работ. Актуальной нам представляется другая задача — показать, как **контаминация** двух различных **языковых кодов** влияет на мышление, сознание, культуру, духовное состояние индивидуумов и нации в целом. Иными словами, в статье затрагиваются **социолингвистические** и **когнитивные** проблемы взаимодействия русского и английского языков в современном российском обществе. Иллюстративный языковой материал отражает **типичные** случаи употребления (Интернет, телевидение и радио, автоответчики, рекламные рассылки современных образовательных платформ и курсов, нормативные образовательные документы, научные журналы, доклады на конференциях и т. д.).

Анализ. 1. Англицизмы и русинглиш. Окружающий мир меняется, и это отражается в языке: возникают (сейчас в основном заимствуются) новые слова или новые значения у старых слов. Правда, с появлением Интернета скорость подобных изменений увеличилась в сотни раз, поэтому люди не успевают привыкать к стремительному потоку неологизмов, а язык — осваивать их. Тем не менее сам факт использования в речи заимствований (в том числе из английского языка) не может оцениваться положительно или отрицательно.

С точки зрения необходимости заимствования англицизмы, как известно, могут быть **оправданными** (*компьютер* < *computer*, *курсор* < *cursor*, *онлайн* < *online*, *принтер* < *printer*, *миксер* < *mixer*), поскольку обогащают язык новыми понятиями (новые технологии, новые рыночные и экономические реалии и др.), и **неоправданными**, так как в русском языке уже были слова, определяющие

обозначаемое понятие (*подарок* → *презент* < *present*, *подросток* → *тинейджер* < *teenager*, *неудачник* → *лузер* < *loser*, *приемная* → *ресепшен* < *reception*, *сотрудничество* → *коворкинг* < *coworking*, *случай* → *кейс* < *case*). По степени освоенности англицизмы бывают **освоенными** (*пиар*, *пиарщик*, *пиар-кампания* < *PR* = *public relations*) и **неосвоенными** (*крем* с эффектом *anti-age*).

Особняком стоит так называемый *русинглиш* («рунглиш»). Последний как гибридное макароническое образование был порожден трудностями общения русскоязычных с англоговорящими. Термин *рунглиш* был популяризирован в 2000 г. как название одного из языков на борту Международной космической станции. Однако, возникнув в интернациональной среде, этот неудобоваримый гибрид русского с английским быстро распространился во всех сферах российской жизни и стал оказывать на них влияние. В данной статье термином *русинглиш* мы будем называть русский язык современной эпохи, который переполнен неоправданными англицизмами.

2. Факторы, способствующие распространению русинглиша в России. Среди **объективных** факторов распространения *русинглиша* выделим следующие: падение «железного занавеса» и курс России на сближение с Западом, глобализация информационного пространства благодаря сети «Интернет» с безусловным господством англоговорящих стран, спешное (нет времени подумать) «рабское, слепое подражание» (А. С. Грибоедов) Западу во всех сферах (о причинах этого см.: [Тер-Минасова 2014]), ведущее к потере самобытности и «отходу от внутренней логики собственного развития» [Колесов 2006: 3].

Среди **субъективных** факторов, провоцирующих использование *русинглиша*, на первое место мы ставим лень мысли, в том числе переводческой (поскольку язык — инструмент мышления), и низкую речевую культуру (в том числе поверхностное знакомство с английским языком). Отсюда вытекает мода на *гламур* как стремление прикрыть пустоту броской этикеткой (недаром *glamorize* означает ‘приукрасивать’).

3. Цель использования русинглиша русскоговорящими. Наводняя речь англицизмами, человек стремится прежде всего привлечь внимание, как-то выделиться: повысить престиж деятельности (*уборщица* → *менеджер по клинингу* < *cleaning*), поднять свой статус в глазах окружающих, показать уровень своего образования и приобщенность к «продвинутому» мировому сообществу, где доминирует английский язык (*тебе мой респект* < *respect*), порой не задумываясь о целесообразности использования тех или иных слов (*снич* < *speech Tarasa Бульбы*).

4. Почему не формируется защитный механизм речевой культуры. Существует тонкая грань, которая отделяет оправданные заимствования от неоправданных, — это соблюдение принципа **уместности и целесообразности**, сформулированного еще А. С. Пушкиным: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [Пушкин 1996]. Эту грань призвано помочь ощутить **чувство языка**, которое воспитывается с детства посредством эмоционально адекватных коммуникативных реакций взрослых, а также на образцах хорошей речи, которая характеризуется **правильностью, чистотой, смысловой точностью, логичностью, богатством и выразительностью, благозвучием**. К сожалению, в современном российском обществе не создаются достаточные условия для формирования защитного механизма речевой культуры — чувства языка. Телевидение, радио и другие российские СМИ уже давно ушли из сферы образцовой речи (а ведь речь советских дикторов была примером для подражания!). Уровень гуманитарного образования в стране катастрофически падает. Так, освоенное русским языком заимствованное слово *экспертиза* имеет устоявшееся и хорошо известное всем значение — ‘рассмотрение, исследование чего-либо знатоками, специалистами для правильной оценки чего-либо, заключения’ (*провести/заказать экспертизу*). Однако IT-специалисты часто используют данное слово в значении английского слова *expertise* — ‘высокий уровень специальных знаний и практического опыта’, хотя для этого значения в русском языке есть другой аналог — *компетентность*. Неоправданное употребление слова *экспертиза*

в значении не русской, а английской лексической единицы вносит путаницу в сознание русскоговорящих и уродует русский язык, например:

У меня большая экспертиза в настройке серверов (вместо: я — эксперт, я компетентен). Комиссия не имеет экспертизы по не связанному с образовательной программой тематике (вместо: не является экспертом, некомпетентна).

Все это — показатель не только отсутствия чувства языка, но и низкой **речевой культуры**.

5. Опасное расширение сфер употребления русинглиша. Сегодня стираются границы между литературным языком и жаргонами, общество демонстрирует отсутствие языкового вкуса, одним из признаков которого является чувство меры.

Русинглиш активно используется не только в молодежном сленге, но и в сферах бизнеса (*деловая встреча* → *митинг* < *meeting*, *посчитали тотал* < *total*), менеджмента (*управляющий* → *менеджер* < *manager*, *кадровики* → *эйчары* < *HR* = *Human Resources*), спорта (*перспективные боксеры* → *проспекты* < *prospect(or)*), моды (*бьюти-стилист* < *beauty*), IT-технологий (*экран монитора* → *дисплей* < *display*, *соединяются* → *коннектятся* < *connect*) и др.

Неоправданные английские заимствования употребляются в публичной речи политики, дикторы (*наложили рестрикции* < *restriction*), ведущие передач по радио и телевидению, в том числе историко-просветительских (*аутлеты* < *outlet*) *стрельцов* в эпоху Петра I).

Россия перенимает не всегда нужные ориентиры, представления, термины в сферах науки и образования. Так, *педагогическое мастерство* замещается *компетентностью* педагога и *алгоритмизацией* образовательного процесса (вполне приемлемые в других контекстах, здесь англицизмы отражают нежелательное смещение акцентов в сфере образования). Почти забыто понятие *режиссуры урока*. *Творческий* поиск, педагогический талант изгоняются из образовательной сферы, зато приветствуется *креативность* в бизнесе (*креативный менеджер* < *creative*). Неверный выбор значения при переводе английского модального глагола *can* искажает конечные цели обучения в нормативных образовательных документах: для языкового

сознания русскоговорящего между значениями русских слов *способен* и *умеет* есть существенное различие. Модные слова-абстракции с размытым значением употребляются вместо конкретных и понятных методических терминов (*знания, умения и навыки* → *компетенция < competence>*), дезорганизуя педагогическую деятельность¹.

Некоторые современные образовательные платформы и организации делятся не результатами размышлений и опытом педагогов, а неумелыми переложениями с английского языка своих лозунгов. Например, докладчики (как и в Госдуме, они теперь именуются *спикерами < speaker>*) желают студентам быть *энергетическими < energetic>* (вместо правильного перевода *энергичными, активными*), учебные программы становятся *акселераторами < accelerator>* и должны предусмотреть *инноваторскую активность*. Последнее прилагательное является даже не «словом-кентавром» (так называют заимствование, в котором русские корневые морфемы могут сочетаться с английскими [Крысин 1991]), а уже «словом-монстром», так как, согласно словообразовательной логике русского языка, представляет собой: 1) либо неоправданное расширение ранее освоенного заимствования из латыни *новаторский* ← *новатор*² (лат. *novator*) с помощью префикса *ин-* (лат. *in-*) по аналогии с более поздним заимствованием-англицизмом *инновационный* ← *инновация* < англ. *innovation* «нововведение, новшество» (лат. *innovatio* «(воз)обновление»), ср. также англ. *innovative* «новаторский, передовой»; 2) либо неоправданное расширение английского существительного *innovator* «новатор» + суффикс *-ск(ий)*. Прекращающийся процесс заимствования

избыточных синонимов (*передовой, новаторский, инновационный, инноваторский*) свидетельствует о стремлении выделиться не делом, а словом: замаскировать англоподобным (более статусным) «термином» пустоту и никчемность самой деятельности.

6. Когда заимствования не обогащают язык. Если использование *русинглиша* в качестве остроумной языковой игры, шуток, каламбура, в учебных целях (т. е. когда осознается, намеренно подчеркивается и обыгрывается чужеродность вкрапленных) плодотворно, то обращение к гибриду для передачи мыслей пагубно. Весьма точно это было сформулировано еще Петром I в обращении к послу: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие *иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно* (курсив наш. — О. И.): того ради тебе впредь реляции свои к нам писать всё российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [Якубинский 1986].

В науке и образовании **смысловая точность** — важнейшая характеристика. Можно говорить о «непрозрачности заимствованных слов: они не встроены в систему языка, как правило, не имеют связей с другими словами и поэтому непонятны» [Кронгауз 2019: 88]. Причем именно корневая морфема, от значения которой отталкивается носитель языка в процессе мышления, превращается в языке-гибриде в опустошенную этикетку. Становятся помехами в восприятии смысла чужеродные и явно избыточные, неоправданные англицизмы и в лингвистике (*функция воздействия* → *персуазивность < persuasive, стремление к объяснению* → *экспланаторность < explanatory>*).

Общие **критерии для введения в язык нового слова** были сформулированы К. Г. Паустовским на примере диалектизмов: «Местное слово может *обогащать* язык, если оно образно, *благозвучно и понятно* (курсив наш. — О. И.). Для того чтобы оно стало понятным, совсем не нужно ни скучных объяснений, ни сносок» [Паустовский 1983: 92]. На деле получается прямо противоположное. Вначале заимствуется «термин», который, по определению, необходим для точного обозначения понятия, а затем на протяжении нескольких лет пишутся статьи с попытками растолковать размытое значение англицизма. Так, например, обстоит

¹ Подробнее см.: Ильченко О. С. Компетентностный подход versus принципов и понятий классической методики и педагогики // Высшее образование сегодня. 2015. № 7. С. 16–19 (Ильченко-2015).

² *Новатор* (< лат. *novator* «обновитель») — «человек, вносящий и осуществляющий новые, прогрессивные принципы, идеи, приемы в какой-л. области деятельности» (Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. С. 337) → *новаторство* «новое в созидательной деятельности людей; деятельность новаторов, новация, новаторский» (Там же).

дело с терминами *компетенция*³ (в педагогике) и *персуазивность* (в лингвистике).

Такое качество хорошей речи, как **благозвучие** (отсутствие неудобопроизносимых, «режущих» слух сочетаний звуков, которое обеспечивает приятное и легкое для восприятия звучание текста), игнорируется, хотя фоносемантика экспериментально подтвердила различную психологическую «окраску» звуков языка при восприятии их человеком. То, что красиво звучит по-английски, в русском варианте часто приобретает грубое и неприятное звучание из-за различия артикуляционных баз двух языков. Так, мелодичное английское слово *persuasive* при транслитерации превращается в режущее слух и трудновыговариваемое слово *персуазивность*. Помимо неблагозвучия, многие англицизмы вызывают нежелательные ассоциации: термин *экспланаторность* фонетически созвучен слову *эксплуататор*, термин-словосочетание *ситуативный перевод* в угоду моде стали заменять на *коммунальный перевод* < *community translation*, ассоциирующийся с *коммунальными платежами*.

Русский и английский языки различаются по способу образования понятий. Бóльшая абстрактность английского языка проявляется в характерном для него **размытом полисемантизме** (*facility, skill, accommodation, thing, affair*), образовании новых понятий путем соположения (*apple juice seat*). Русское языковое сознание тяготеет к конкретным понятиям, в отличие от *скилзов* < *skills* и *фасилитаторов* < *facilitator*. Обилие «многозначительных» англицизмов заставляет наш ум «спотыкаться», тормозит восприятие людей, даже знающих язык-источник, сбивает с толку тех, кто его не знает, мешает сразу схватить суть дела и, как результат, разрушает привычку осмысливать любое речевое произведение. Постепенно формируется, как пишет М. А. Кронгауз, стратегия «неполного понимания» [Кронгауз 2019: 32]. Если посмотреть в Интернете историю запросов о значении англицизмов, то можно заметить, что поисковики показывают наибольшую частотность таких формулировок, как «*коворкинг/фасилитатор/абыюзер* и т. д. — что это *простыми словами?*». Кроме

того, англицизмы таят в себе опасность манипуляции с сознанием молодежи: под непонятные броские ярлыки можно подвести любую идеологию.

7. Русинглиш как грамматика абсурда. Логика обоих языков не совпадает: мозг русскоговорящего и мозг англоговорящего используют не только разные лексические, но и разные грамматические инструменты для выражения одной и той же мысли. Специфика грамматики английского языка проявляется в употреблении «упаковочных» герундиальных и инфинитивных конструкций, расширенном использовании страдательного залога. Однако даже более консервативные структуры языка разрушаются неграмотными переводами, в результате чего мы получаем **грамматику абсурда**.

Игнорирование скрытой **категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности** приводит к неграмотному переводу с английского рекламных роликов. Конструкция с притяжательным местоимением *Моя кожа такая чувствительная* < *My skin* означает, что кожа отделена от тела. В русском языке неотчуждаемая принадлежность обозначается конструкцией с предлогом: *У меня чувствительная кожа*.

Непонимание межязыковых различий проявления **категории переходности/непереходности глагола**⁴ приводит к ошибкам в текстах автоответчиков (*Ваш звонок будет отвечен первым освободившимся оператором* < *Your call will be answered by...* вместо: *На ваш звонок ответит первый освободившийся оператор*).

8. Коммуникативное поведение как отражение мирозерцания. Коммуникативное речевое поведение англоговорящего не совпадает с таковым у русскоговорящего как представителей различных культур — **коллективистской, соборной** русской **МЫ**-культуры и **индивидуалистской, «соборной»** английской **Я**-культуры. Ср.: *благодарю Вас* (местоимение, обозначающее уважаемого высокопоставленного адресата сообщения, пишется с большой буквы) — *thank you*; *меня зовут Мариной* — *my name is Marina*; но нескромное, чужеродное русскому языку

³ Подробнее см.: Ильченко -2015. С. 16.

⁴ Подробнее см.: Ильченко О. С. Аспекты изучения темы «Глаголы переходные и непереходные» в VI классе // Русский язык в школе. 2011. № 12. С. 23–28.

«яканье»: я — *Марина* (англицизм) ← *I am Marina* (местоимение, обозначающее адресанта, всегда пишется с прописной буквы), *в нашей стране* — *in my country*. А вот отказ от притяжательного местоимения как определения к слову *страна* (*country*) выдает гражданскую позицию говорящего. Презрительное выражение *в этой стране*, которое, начиная с перестройки и вплоть до сегодняшнего дня, можно услышать в речи некоторых людей, сигнализирует об отчуждении от России, поскольку, с точки зрения языковой семантики, выводит объект из сферы принадлежности. Указательное местоимение *эта* свидетельствует всего лишь о близком местонахождении в пространстве, но ментально — вне страны, а значит, и вне ответственности за ее судьбу. Любящий свою Родину, но недовольный тем, что в ней происходит, никогда не скажет *эта страна*. Ощущая себя частью родной страны (*родной стороны*), патриот скорее вздохнет: *У нас все не как у людей*. И англоговорящий выражение *in this country* употребит только по отношению к той стране, где он временно пребывает, работает или путешествует — и никогда так не скажет о стране, где он живет постоянно, где он родился.

Языки отражают различный взгляд на мир. В случае необходимости введения смыслов, удачно выраженных средствами другого языка, наилучшим вариантом для понимания и знаком уважения к языку-источнику оказываются **иноязычные вкрапления** (употребляемые без перевода и с соблюдением графики и орфографии языка-источника), сигнализирующие о необходимости **переключения языкового кода** (кстати, в устной речи так часто поступают билингвы). Этим приемом широко пользовались русские писатели (А. С. Пушкин, А. П. Чехов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.). Умелое обыгрывание иноязычных, особенно латинских вкраплений⁵, обогащало язык классической русской литературы.

9. Влияние русинглиша на национальное сознание. *Русинглиш* оказывает разрушительное воздействие не только на процесс мышления, но и на формирование национального сознания. На манер делового

английского вытесняется русская традиция уважительно звать взрослых по отчеству [Тер-Минасова 2014], отдаляются духовные ориентиры (*меценат* → *спонсор*⁶ < *sponsorship*), обедняется эмотивная составляющая русского языка (*няня* → *бэбиситтер* < *babysitter*, *мой парень* → *бойфренд* < *boy-friend*, *не желающий иметь детей* → *чайлдфри*⁷ < *child-free*), устраняется этическая и нравственная оценка поступков, проецируется мир, находящийся «по ту сторону добра и зла», свободный от морали (*убийца* → *киллер* < *killer*). Причем у Ф. М. Достоевского моральная оценка звучит еще сильнее: Раскольникова называют *убийцей* по аналогии с оценочными словами *мерзавец*, *подлец*. Заимствование, как правило, лишено эмоциональной окраски, сердце русскоговорящего не ёкает при звуке чужого слова (*оскорбитель*, *агрессор*, *насилник* → *абьюзер* < *abuser*, *сотрудничество с врагом против страны гражданства в военное время* → *коллорабационизм* < *collaboration*). Ориентация на чувство справедливо признается отличным восточнославянской культуры *Slavia Orthodoxa* от культуры Запада, с характерной для нее ориентацией на рассудок [Колесов 2006: 278]. Давно подсчитано, что почти половина русских слов носит оценочный характер, а в любом другом языке эта сумма не превышает 10–15 % [Там же: 284].

Человеческая личность в глазах идеологов глобального рынка низводится на уровень инструмента, приносящего доход (*человеческий капитал*⁸ < *human capital*), приравнивается к органическому химическому

⁶ *Меценат* бескорыстно поддерживает заложенные в человеке способности, важные для блага других людей, для культуры в целом. *Спонсор* просто занимается бизнесом, а не совершает блага, он — выгодоприобретатель и действует из корыстных побуждений — рекламы идеи, товара или саморекламы.

⁷ *Чайлдфри* — субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным желанием не иметь детей (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Чайлдфри>).

⁸ Понятие «человеческий капитал» соответствует предлагаемому экономической теорией определению капитала как запаса благ, который, накапливаясь, **приносит доход** благодаря инвестициям; только человеческий капитал характеризуется еще неотделимостью от личности своего обладателя.

⁵ См. об этом: Ilchenko O. S. Latin insertions in Russian literature of the second half of the XIX century // Russian linguistic bulletin. 2020; 3(23):140–144. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.7>

соединениям («белковый» перевод < *protein translation* — заимствовано из биологии), например: *Недавно мне довелось прочитать исследование, в котором сравнивались два «белковых» перевода художественного текста и перевод от Яндекса.* Отношения между людьми и сами люди, подобно неодушевленному веществу, могут называться *токсичными* < *toxic*.

Модные сочетания *правильные торты, правильные девушки, правильные фильмы, правильные режиссеры* и т. д. стали употребительны, видимо, как кальки с английского, в котором прилагательное *right* может обозначать соответствие заявленным требованиям, как, например, в англоязычных объявлениях о вакансиях: *There are excellent prospects for rapid career progress in the company for the right candidate/person.* Только теперь правила жизни навязываются глянцевыми изданиями, дающими инструкции, как стать *правильным потребителем*. О жесткой и агрессивной идеологии потребления М. А. Кронгауз пишет: «Через соответствующие слова она проникает в сознание, навязывая, в частности, жесткие правила выбора» [Кронгауз 2019: 63].

Стоит задуматься о том, почему существует такое большое количество англицизмов, являющихся синонимами привычных русских слов, почему языковая ситуация со временем только усугубляется, ведь язык — саморазвивающаяся система, обладающая способностью к очищению. Дело в том, что причины засилья англицизмов лежат в неязыковой плоскости. Прибегнув к некоторому упрощению, получаем, что *киллер* — не просто *убийца*, *спонсор* — не просто *меценат*, *бренд* — не просто *торговая марка*, *менеджер* — не просто *управленец*, *эйчар* — не просто *кадровик*, *супервайзер* — не просто *надзиратель*, *креативность* — не просто *творчество*, *фитнес* — не просто *зарядка* и т. д. Теперь все особенно хорошее должно быть обязательно **нетрадиционным**, включая «нетрадиционную профессиональную ориентацию» (по меткому выражению сатирика М. Задорнова). Надо отметить, что современная модная тенденция противопоставлять все *инновационное* (будто бы молодое, перспективное и прогрессивное) всему *традиционному* (будто бы старому, отжившему, закосневшему) затуманила и сильно снизила исконное значение слова *традиция*

(лат. *traditio* — передача). А ведь оно обозначает исторически сложившиеся, проверенные временем и поэтому передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. д. Цель указанной выше подмены — внедрение новой философии жизни, основанной на **культе потребления** (*consumerism*). Экзотические заимствованные слова были призваны вытеснить привычные, чтобы через новые понятия, соединенные в сознании потребителей с определенными ощущениями, создать образ заманчивого гламурного мира, в котором у каждого человека простая и понятная цель — деньги (*make money*), дающие пропуск в райскую жизнь. Мощная «индустрия» перереформирования общества, запущенная за границей и подхваченная на местах, уже сделала из молодого поколения *грамотных потребителей* и содействовала духовному обнищанию русского народа.

Лавина неоправданных англицизмов наносит удар не только и не столько по самому языку, сколько по речевому, умственному и духовному развитию человека, который живет в таком окружении. Ведь формирование человеческого разума, сознания, интеллекта напрямую связано с языковой средой и ей определяется⁹. Однако языковую среду создают люди — от духовного состояния каждого человека зависит уровень культуры (в том числе речевой¹⁰) в обществе. Как и любая культура, общая речевая культура основана на уважении, в данном случае на уважении к языку (своему и чужому), и проявляется в интуитивном недопущении перенесения норм и законов из одного языка в другой.

Выводы. Укоренение в наши дни *русинглиши* как средства общения в государственно-образующих сферах общественной жизни (а не только в профессиональном жаргоне и молодежном сленге) выдвигает на передний план задачу сбережения, охраны и защиты русского литературного языка (вопросы «языковой экологии» поднимаются уже

⁹ Кравченко А. В. Бытие человека и экология языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X международной научно-практической конференции. 14–18 июня 2005. Иркутск, 2005. С. 59–63 (Кравченко-2005).

¹⁰ Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 330 с.

давно¹¹). Требуется совместные усилия государства (продуманная языковая политика) и общества (просветительская деятельность и ответственность переводчиков, журналистов, писателей, педагогов, ученых, чиновников), направленные на сохранение эмотивного и культурного кода российской нации, возрождение русской ментальности (мышлению в формах языка). Необходимо активно транслировать традиционные идейные, морально-нравственные и духовные ценности, которые всегда были свойственны уникальной русской культуре и отражались в «великом, могучем, правдивом и свободном» (И. С. Тургенев) русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 512 с.
3. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.

¹¹ См.: Кравченко–2005; Кравченко А. В. Нужна ли России языковая политика? О будущем русского языка и общества // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 658–659; Литвинова Г. М. С чего начинается Родина? О языковой экологии и не только // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2016. № 1. С. 284–294.

4. Паустовский К. Г. Золотая роза. М.: Советский писатель, 1983. 368 с.

5. Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 11: Критика и публицистика. 1918–1934. М.: Воскресенье, 1996. С. 52–53.

6. Тер-Минасова С. Г. Великий и могучий или глобальный? // Наука и жизнь: ежемесячный научно-популярный журнал. 2014. № 9. С. 22–25.

7. Якубинский Л. П. Реформа литературного языка при Петре I // Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 159–162.

REFERENCES

1. Kolesov V. V. Russian mentality in language and text. Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2006. 624 p. (In Russ.)
2. Krongauz M. A. The Russian language on the verge of a nervous breakdown. Moscow: AST: CORPUS, 2019. 512 p. (In Russ.)
3. Krysin L. P. Stages of learning a foreign language word. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1991;2:74–78. (In Russ.)
4. Paustovsky K. G. Golden rose. Moscow: Soviet writer, 1983. 368 p. (In Russ.)
5. Pushkin A. S. Excerpts from letters, thoughts and remarks. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t. T. 11: Kritika i publitsistika. 1918–1934 = Complete works: in 17 vols. Vol. 11: Criticism and journalism. 1918–1934*. Moscow: Sunday, 1996. P. 52–53. (In Russ.)
6. Ter-Minasova S. G. The great and mighty or the global? *Nauka i zhizn' = Science and Life*. 2014;9:22–25. (In Russ.)
7. Yakubinsky L. P. Reform of the literary language during the reign of Peter the Great. *Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie = Selected works. Language and its functioning*. Moscow: Science, 1986. P. 159–162. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Сергеевна Ильченко, доктор филологических наук, доцент

Olga S. Ilchenko, Doctor of Science (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.